

ХАРАКТЕР И УСЛОВИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДОИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВЕТСКИХ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В ГЕРМАНИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация.

Актуальность и цели. Проблема трудоустройства советских граждан в интересах военной экономики Германии выступает одной из актуальных в отечественной историографии. В спектре вопросов, относящихся к доставке, характеру эксплуатации и организации быта восточных рабочих, особое значение приобретает анализ пребывания в данных условиях советских детей и подростков.

Материалы и методы. Симбиоз историко-генетического и системного методов позволил рассмотреть динамику положения детей и подростков применительно к карательным мерам германских властей, отношению к ним немецкого гражданского населения. Такой подход дополняет смысловое понимание процессов, происходивших в жизни советских людей, угнанных в Германию, в том числе в условиях проводимой нацистами «расовой» политики.

Результаты. При рассмотрении данной возрастной группы оstarбайтеров, в сравнении со взрослыми (количественное соотношение), в обстоятельствах нормирования труда и его оплаты, организации быта очевидным предстает факт отсутствия половозрастных различий или послаблений со стороны нацистских властей. Это еще раз наглядно иллюстрирует сущность режима Третьего рейха и его цели, отношение к миру и человеку.

Выводы. Социокультурные и психологические характеристики детей и подростков, особенности коммуникации как в референтной группе, так и с представителями противной стороны существенным образом сказались на восприятии ситуации изъятия из родного дома и насильственного труда на врага. Германские пропагандистские акции по воспитательному перекодированию советских детей и подростков потерпели поражение по причине не только своей фальши, но духовной цельности молодого поколения советских граждан, мобильности и готовности к жизненным испытаниям.

Ключевые слова: оstarбайтеры, восточные рабочие, Великая Отечественная война, дети, подростки, Третий рейх, трудоустройство.

N. A. Garazha

NATURE AND CONDITIONS OF USING SOVIET CHILDREN'S AND ADOLESCENTS' LABOR IN GERMANY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract.

Background. The problem of using Soviet citizens' labor in the interest of the German war economy appears to be one of the pressing in the national historiography. In the spectrum of issues, including the delivery, the nature of exploiting and life organization of eastern workers, a particular importance is paid to the analysis of Soviet children's and adolescents' sojourn in the given conditions.

Materials and methods. The symbiosis of historical-genetic and system techniques allowed to consider the dynamics of the situation of children and adolescents regarding punitive measures of the German authorities, the attitude of German population thereto. It seems that this approach complements the semantic understanding of the processes taking place in the life of the Soviet people deported to Germany, including the conditions undertaken by the Nazis «racial» policy.

Results. Considering this age group of ostarbeiters in comparison with adults, regarding the circumstances of work quota and remuneration, organization of everyday life, it appears evident that there were neither gender and age differences nor easing by the Nazi authorities. This once again illustrates the nature of the regime of the Third Reich and its objectives, the attitude to the world and man.

Conclusions. Socio-cultural and psychological characteristics of children and adolescents, specifics of communication both in the reference group, and with representatives of the opposing party, significantly affected the understanding of the situation of withdrawal from homes and forced labor for the enemy. The German propaganda activities on educational recoding of Soviet children and adolescents had no success because of its hypocrisy, as well as due to the spiritual integrity of the younger generation of Soviet citizens, mobility and readiness for life challenges.

Key words: Ostarbeiter, eastern workers, the Great Patriotic War, children, adolescents, the Third Reich, exploitation of labor.

Неубывающая потребность германской экономики в рабочей силе, прямая финансовая и организационная заинтересованность некоторых лидеров рейха в поставках новых и новых партий рабочих, а также зачистка оставляемых территорий от гражданского населения привели к тому, что с территории СССР в Германию на работы вывозилась не только молодежь в возрасте 14–18 лет, но и семьи с детьми, нередко жертвами угона становились даже нетрудоспособные и больные граждане. В целом ситуация с возрастным цензом угоняемых на работы в Третий рейх развивалась неравномерно, с 1942 г. депортация советских граждан повсеместно приобрела тотальный характер. Поэтому, например, годы рождения вывезенных в Германию жителей Темрюкского района Краснодарского края колеблются от 1880 до 1942 [1].

В 1944 г. в Минске военной команде «Центр» была поставлена задача – отправить в рейх несовершеннолетних русских и белорусских детей в возрасте от 10 до 14 лет. По особому предписанию данное военное задание причислялось к разряду приоритетных [2]. Это еще раз подтверждает, что человек был одним из важнейших демографических ресурсов на оккупированной территории при тотальной эксплуатации [3, с. 179], оцененный в должной мере нацистской экономикой как дешевый, неприхотливый и эффективный, рассматриваемый без каких-либо ограничений или цензов.

Если говорить об общей численности угнанных в Германию детей и подростков (в психологии и педагогике принято считать подростковый возраст с 10 (12) до 15 (17) лет), то по сведениям фронтовых и армейских сборно-пересыльных пунктов, направлявших граждан к постоянному месту жительства, на 03.10.1945 детей до 16 лет было возвращено в СССР 386 471, до 10 лет – 224 559 человек [4, л. 102–103]. В Краснодарский край с 01.05 по 15.12.1945 вернулось 1857 детей [4, л. 128].

Общая численность детей до 16 лет на предмет даты их выезда в Германию представлена в следующей таблице [4, л. 104]:

Годы	1941	1942	1943	1944	1945
Дети до 16 лет, человек	99 725	86 372	113 153	71 634	15 587

Очевидно, что вопрос трудоустройства детей приобрел свою актуальность не с течением войны, а был изначально предопределен, но на фоне значительного контингента депортируемого взрослого населения не сразу стал так очевиден. Дополнительно наблюдался и определенный прирост детского населения, рожденного в Германии.

С каждой сотней человек в Германию, по статистике, отвозилось 5–10 больных детей [5, л. 407]. Во многом именно условия доставки подрывали их здоровье [6, с. 109]. Отсутствию ограничений на ввоз нетрудоспособных активно противились германские предприятия, считавшие невыгодным их содержание. «Наши лагеря рассчитаны на рабочих, а не на такого рода людей», – сообщало бирже труда руководство угольной шахты концерна «Флик» [7, с. 165]. Показательно в этом случае и письмо концерна инженеру Рису – служащему районного бюро по распределению рабочей силы, в котором приводится статистика поступлений транспорта с восточными рабочими: 26 февраля 1944 г. транспорт включал 13 детей, подростков в возрасте от 13 до 15 лет и 13 младенцев; 12 мая 1944 г. – 22 ребенка в возрасте от 1 года до 14 лет; 16 декабря 1944 г. – 36 детей, а также беременных или только что родивших женщин. Авторы письма жаловались, что непригодные к работе «просто заполнили лагерь, и на них уходили и без того скудные запасы продовольствия, а помощи от них не было никакой» [8, с. 781].

Дети и подростки часто направлялись на работу на пущенные в эксплуатацию предприятия в качестве учеников, из которых в будущем планировалось восполнить отряд квалифицированных рабочих [9, л. 21]. Для этого разворачивалась масштабная пропаганда, которая тем не менее не привела к желаемым результатам в связи с непоследовательностью действий германских властей, нарушениями ими обещаний и гарантий, а также с ростом негативных настроений в среде остов.

Согласно выводам У. Герберта, среднестатистическим подневольным работником в Германии в 1943 г. был 18-летний студент из Киева [10, с. 130]. Если попытаться дать более или менее усредненную характеристику угоняемых в Германию молодых людей, то необходимо учитывать: объективно-научные оценки, которые отражают половозрастные особенности молодых людей; объективно-исторические оценки, основанные на анализе социально-политической, этнической, образовательной и т.д. среды, из которой они вышли; а также субъективный оценочный слой, в котором находят отражение уникальные характеристики каждого отдельно взятого подростка, его переживания, убеждения, поведенческие стереотипы.

В целом воспитанники советской школы были уверены в себе, духовно свободны, обладали широким кругозором и внутренним достоинством [11, с. 27], стремились и получали образование, имели увлечения и коммуникативный опыт, приобретенный в рамках государственных и обществен-

ных организаций. Оказавшись в Германии пришлось на личном опыте ощутить подлинную внеагитационную правду нацизма. Это славилось, наряду с высоким уровнем социальной активности, со способностью здраво рассуждать, с обостренным детским прочувствованием всего происходящего вокруг: справедливого и несправедливого, честного и бесчестного, искреннего и лживого и т.д.

Немецкие власти, безусловно, были осведомлены об образовательной и воспитательной системе СССР и специфике возрастной психологии, поэтому излишне не усердствовали в сокрытии подлинных целей использования детского труда за пропагандистской сладкоречивостью: «Мы не хотим обращать русских на путь национал-социализма, мы хотим только сделать их орудием в наших руках. Вы должны покорить молодежь, указывая ей ее задачи, энергично взяться за нее и беспощадно наказывать, если она саботирует или не выполняет этих задач» [12, л. 266].

С другой стороны, для подростков также характерна эмансипация, готовность к максималистской оценке себя и окружающих, рискованному поведению, часто при балансировании на грани жизни и смерти. Именно в этом возрасте формируется способность как понимать самого себя, свои желания, возможности и стремления, так и своего места в обществе, своего назначения в жизни. Все это в совокупности приводило к упорству выживания в предлагаемых условиях, а также актам сопротивления – осознанного нанесения вреда противнику. Вот лишь одно из многочисленных свидетельств тому – воспоминания жительницы г. Майкопа. В 1942 г. она в 13 лет была угнана в Германию. Работала на заводе по производству самолетов, по заданию антифашиста Отто Штольца оставляла дефекты на деталях для мотора. Когда диверсионная работа была раскрыта, после гестапо, побоев на 2,5 года попала в детский барак лагеря Равенсбрюк, где работала на уборке брюквы [13].

Ядром протестного движения, направленного на спасение советских детей и подростков от насильственного угона в Германию, наряду с личными и семейными акциями неповиновения и избегания террористических действий оккупационных властей, стали партизаны. Партизанские отряды и подпольные организации уничтожали документы на депортацию, осуществляли точечные акты спасения от угона, вели просветительскую работу, распространяя достаточное количество листовок среди населения оккупированных районов СССР. Большинство этих листовок апеллировало непосредственно к подросткам и молодежи, их социальной активности и равнодушию к своей судьбе и судьбе родины¹. В листовках содержались конкретные указания и советы, как избежать депортации: «...бегите из эшелонов при любом удобном случае... Уклоняйтесь от всяких регистраций... Уходите в партизаны...» [15, с. 122].

За подобную деятельность партизаны жестоко карались нацистами, невзирая на пол и возраст. Например, в Адыгейской автономной области немецкими оккупантами было совершено убийство-казнь Болеслава Гатовского в возрасте 11 лет только за подозрение в причастности к партизанскому движению [16, л. 12].

¹ «...Юноши и девушки! Не давайте в руки немецким рабовладельцам, уходите в леса к партизанам! Только в этом ваше спасение от немецкой каторги. Берите в руки оружие, становитесь в ряды народных мстителей!...» [14, л. 6].

В Одессе, в силу специфики оккупации города, и в ответ на приходящие из Германии тревожные новости о жестоком обращении с вывозимыми молодыми людьми, стали открываться учебные заведения, которые обеспечивали относительную «неприкосновенность» молодежи. Побочным эффектом этого спасения стала «румынизация», так как и названия, и представители руководства, и учебные программы заведений были румынскими [17, с. 164–166].

Трудовая мобилизация на оккупированной территории сопровождалась не только вывозом в пределы рейха, детский труд активно использовался на предприятиях в зоне оккупации и на вспомогательных работах военных частей. Например, девушки 14–15 лет эксплуатировались немецкими войсками для рытья окопов под огнем артиллерии, когда строили оборонительный рубеж в районе Греческое на участке 9-й немецкой пехотной дивизии (близ Новороссийска) [18, л. 13].

Несмотря на принудительный характер подобного трудоустройства, внеправовой статус эксплуатации несовершеннолетних граждан на непосильных, опасных для жизни и здоровья работах по сравнению с угодом в Германию и условиями жизни и работы там рассматривался населением как незначительное отклонение от нормы оккупационного повседневия, что, естественно, осознавали нацистские власти и активно этим манипулировали. Так, в своем дневнике хозяйственный руководитель отряда организации Тодта Густав Диттман описывает ситуацию, когда девушки в Лобани на уборке картофеля были замечены за нелестными высказываниями о немцах и после расследования были отправлены с эшелонам в Германию. Одну девушку он оставил, объяснив ее непригодностью для Германии, за что получил упрек в умышленном ее покровительстве [19, л. 4–5].

Отсутствие милосердия, попрание общепринятых табу цивилизации – одна из бесспорных характеристик нацистского режима. В подтверждение этому находим бесчисленное множество свидетельств жестокого обращения с детьми и тем более намеренного убийства или доведения до летального исхода. Детям нашивали таблички «OST» [20, с. 194–195], на их глазах пытали родителей¹, у них осуществлялись заборы крови, использовали часто на психологически сложных даже для взрослых здоровых мужчин работах. Например, А. В. Данилычева (1930 г. р.) в возрасте 11–12 лет вместе с сестричкой Машей 13–14 лет были в группе, которая рыла траншеи и убирала туда трупы [6, с. 87].

Для восточных рабочих отсутствовали половые и возрастные ограничения в отношении рабочей нагрузки. Приведем воспоминания В. Д. Атрохина (1932 г. р.), которые отнюдь не единичны: «Отношение лагерной администрации к нам, детям, было ничуть не лучше, чем к взрослым. Выполняли одну и ту же работу, даже кормили в одинаковом количестве, сострадание полностью отсутствовало. Если ребенок падал или плакал, его могли спокойно расстрелять. Мы рано повзрослели» [21, с. 232].

Дети дискриминировались в быту. Их багаж при «эвакуации» был ограничен до 10 кг, у взрослых – 20 кг [22, л. 3]. За невыполнение рабочей нормы дети лишались убогой, но все же миски баланды [23, с. 51].

¹ Краеведческий музей Майкопского района им. супругов И. В. и Е. И. Жерноклевых. № 5109. Воспоминания Озолс-Перминовой Динтры Арвидовны, остарбайтера, 1933 г. р., жительницы пос. Тульский Майкопского района Республики Адыгея.

С другой стороны, те, кого расселяли в специализированных «семейных лагерях» и использовали главным образом в сельском хозяйстве, считавшемся одним из так называемых «русских производств» [24, л. 34], были в большей степени защищены поддержкой близких людей, чему также масса свидетельств.

Дополнительным фактором лишений и унижений насильственного трудоустройства детей стал психологический дискомфорт от жестокого обращения и неприятия со стороны местного населения, немецких сверстников.

Особенные примеры помощи, поддержки, милосердия советским детям в Германии со стороны немцев на фоне воспоминаний о черствости и жестокости выглядят единичными и слишком частными. Помимо индивидуальных актов человечности и сочувствия, в основном они были связаны со страхом наступления советских войск. В. Д. Громов отмечает, что в Берлине, где взрослые и дети работали на железной дороге, немцы-рабочие относились не строго, но только потому, что близился конец войны и они боялись ссылки в Сибирь¹.

Необходимо, конечно, учитывать и затуманенность пропагандой местного населения, воспринимавшего советских граждан в силу своего уровня образования и личностного роста как чудовищ с Востока, врагов, недочеловеков, просто в качестве раздражающего элемента (например, в воспоминаниях о старбайтерех всех возрастных категорий находим свидетельства того, как раздражалось местное население на шум деревянной обуви остов, когда те колонной шли по дороге. Кстати, создавался подобный излишний шум по прямому приказу охранников).

По воспоминаниям восточных рабочих, именно немецкие дети не делали никаких исключений и отступлений в своей неприязни. «Когда нас вели по городку на санобработку, немецкие дети кричали нам вдогонку «русише швайне». Меж тем в колонне были поляки, польские белорусы и только одна советская гражданка – это я» [25, с. 81].

Советские дети и подростки, находящиеся в Германии, достаточно остро переживали подобное к себе отношение. Василия Баранова, до войны студента Орловского музучилища, именно обращение более всего удивляло и огорчало: «...они вечно смеются над нами, что мы такие грязные, некультурные... Этот их смех настолько меня убил морально, что я сам стал ненавидеть себя и считать за свинью, как они нас часто называют...» [26, с. 162–163, 165].

Заметим, что неприязнь германских детей к сверстникам – выходцам из Советского Союза не исчезла после завершения войны. Для переориентации также надо было вести длительную работу – образовательную, воспитательную и т.д. Л. Х. Квитковская рассказывала, что на протяжении всего времени ее сын Гавриил «почти ежедневно приходил из школы, расплакавшись, заявляя, что больше не может идти в школу, потому что немецкие мальчики издевались над ним и обзывали разными словами, и доходило до того, что даже избивали его при возвращении из школы. Да и в школе не было защиты со стороны учителя»².

¹ Краеведческий музей Майкопского района им. супругов И. В. и Е. И. Жерноклевых. Воспоминания В. Д. Громова, о старбайтера, жителя пос. Тульский Майкопского района Республики Адыгея.

² Квитковская Лидия Христиановна, 1899 г. р., украинка, в лагерь 226 прибыла 20.07.1949 из деревни Ридасхаузен, района Тудерштадт, английской зоны [27, л. 91].

И возвращение на Родину для оstarбайтеров не было легким. С. В. Кукова, анализируя интервью с бывшими ОСТами-детьми из Пскова, отмечала: более $\frac{3}{4}$ столкнулись с враждебностью, открытой неприязнью по возвращении домой [28, с. 162–169]. Эти данные мы можем распространить на все регионы, ситуации были зеркальными практически повсеместно: органы ЗАГС не регистрировали детей репатрианток, рожденных вне родины («они не наши дети») [29, с. 40]; некоторые дети и подростки после репатриации вместе с родителями оказались уже в советских лагерях. Так, Д. И. Озолс-Перминова вспоминала, как после репатриации в Омской области валили лес, в том числе и дети 12 лет¹.

Таким образом, результаты проведенного исследования подтверждают, что трудоустройство советских граждан во благо германской экономики и капитала было тотальным, без ограничений возраста, пола и даже состояния здоровья. Не существовало никаких исключений, послаблений нормирования труда и организации лагерного быта в отношении детей и подростков.

Также с полной уверенностью можно говорить о том, что дети и подростки занимали равнозначное место в насильственной эксплуатации восточных рабочих, о чем говорят количественные показатели вывозимых в Германию детей, отрасли хозяйства, в которых они были задействованы, мероприятия по обучению их профессиональным навыкам. Это означает и продуманность долгосрочной перспективы использования труда советских граждан в Германии.

При этом пропагандой на всех уровнях формировалось крайне негативное отношение юных немцев к выходцам из СССР, поддерживаемое школьной программой, подстрекаемое в бытовых ситуациях.

Список литературы

1. Районный государственный архив Темрюкского района Краснодарского края. Ф. 28. Оп. 1. Д. 685. 74 л.
2. Телеграмма гаулейтера Мейера Заукелю об усилении угона в Германию детей с оккупированной территории для работы в военной промышленности. – URL: <http://wolfschanze.narod.ru/prest/4.htm>
3. **Гаража, Н. А.** Исторические источники по оккупации сельской местности Краснодарского края и депортации населения в Германию. 1941–1945 гг. / Н. А. Гаража, Т. В. Лохова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 11. – С. 178–183.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р.-9408. Оп. 1. Д. 10.
5. ГАРФ. Ф. Р.-7021. Оп. 148. Д. 256.
6. Суrowое детство / сост.: М. К. Волков, А. Я. Захаров. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2013. – 256 с.
7. Белорусские оstarбайтеры: историко-аналитическое исследование / под ред. Г. Д. Кнатъко. – Минск : НАРБ, 2001. – 336 с.
8. Письмо концерна «Флик» инженеру Рису – служащему районного бюро по распределению рабочей силы // Нюрнбергский процесс. – М. : Юридическая литература, 1966. – Т. 3.
9. ГАРФ. Ф. Р.-7021. Оп. 148. Д. 198.

¹ Краеведческий музей Майкопского района им. супругов И. В. и Е. И. Жерноклевых. № 5109. Воспоминания Озолс-Перминовой Динтры Арвидовны, оstarбайтера, 1933 г. р., жительницы пос. Тульский Майкопского района Республики Адыгея.

10. **Herbert, U.** Der «Ausländer-Einsatz» in der deutschen Kriegswirtschaft, 1939–1945 / U. Herbert // Arbeit, Volkstum, Weltanschauung. Über Fremde und Deutsche im 20. Jahrhundert. – Frankfurt, 1995. – S. 121–135.
11. **Седов, И. С.** Вторая мировая в зеркале этнокультурных систем / И. С. Седов. – Саратов : Изд-во Саратовского ин-та РГГЭУ, 2013. – 92 с.
12. ГАРФ. Ф. 7449. Оп. 2. Д. 101.
13. Советская Адыгея. – 2005. – 9 апреля.
14. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. О-116. Оп. 9. Связка 120.
15. Кто попадет в Германию – того ждет гибель // В тылу врага. Листовки партийных организаций и партизан периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М. : Госполитиздат, 1962. – 344 с.
16. Национальный архив Республики Адыгея (НАРА). Ф. Р-79. Оп. 3. Д. 53.
17. Воспоминания Мануйлова Д. М. // Одесса: Жизнь в оккупации. 1941–1944 / сост., отв. ред., авт. вступ. ст. О. В. Будницкий. – М. : Политическая энциклопедия, 2013. – 231 с.
18. ГАРФ. Ф. Р.-7021. Оп. 148. Д. 32.
19. ГАРФ. Ф. Р.-7021. Оп. 148. Д. 21.
20. Рефлексия на переживания детства в условиях концлагерей фашистской Германии: к 70-летию со дня начала Великой Отечественной войны // Развитие личности. – 2011. – № 2. – С. 186–195.
21. Рефлексия на переживания детства в условиях концлагерей фашистской Германии: к 70-летию со дня начала Великой Отечественной войны // Развитие личности. – 2011. – № 3. – С. 226–240.
22. Объявление. 25.05.1943 г. г. Новороссийск, местный комендант // ГАРФ. Ф. Р.-7021. Оп. 148. Д. 62.
23. Седые дети войны: Воспоминания бывших узников фашистских концлагерей / сост. Л. И. Ермалюк. – Калуга : Фридгель, 2003.
24. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 148. Д. 11.
25. **Шпигель-Антонович, А. В.** Мой номер I/46781 / А. В. Шпигель-Антонович. – М. : Русский импульс, 2010. – 256 с.
26. **Баранов, В.** Дневник остарбайтера (нач. сент. 1943 – 21.01.1944 гг.) / В. Баранов // Нам запретили белый свет...: Альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет / сост.: П. Полян, Н. Поболь. – М. : РОССПЭН, 2006. – 416 с.
27. ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 20. Д. 146.
28. **Кускова, С. В.** Малолетние узники «Третьего рейха» / С. В. Кускова // Мета-морфозы истории. – 2002. – № 2. – С. 162–169.
29. **Зубкова, Е. Ю.** Послевоенное советское общество: политика и повседневность / Е. Ю. Зубкова. – М. : РОССПЭН, 1999. – 229 с.

References

1. *Rayonnyy gosudarstvennyy arkhiv Temryukского rayona Krasnodarskogo kraya* [Regional State Archive of Temryuk district of Krasnodar region]. F. 28. Op. 1. D. 685. 74 l.
2. *Telegramma gauleytera Meyera Zaukelyu ob usilenii ugonu v Germaniyu detey s okkupirovannoy territorii dlya raboty v voennoy promyshlennosti* [Gauleiter Meyer's telegram to Sauckel on intensification of children's capture on the occupied territories for work in the military industry]. Available at: <http://wolfschanze.narod.ru/prest/4.htm>
3. Garazha N. A., Lokhova T. V. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Socioeconomic, social sciences and humanities]. 2014, no. 11, pp. 178–183.
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. R.-9408. Op. 1. D. 10.
5. *GARF*. F. R.-7021. Op. 148. D. 256.

6. *Surovoe detstvo* [Stern childhood]. Comp.: M. K. Volkov, A. Ya. Zakharov. Voronezh: Tsentr dukhovnogo vrozozhdeniya Chernozemnogo kraya, 2013, 256 p.
7. *Belorusskie ostarbaytery: istoriko-analiticheskoe issledovanie* [Belarussian ostarbeiters: historical-analytical analysis]. Minsk: NARB, 2001, 336 p.
8. *Nyurnbergskiy protsess* [Nuremberg judgment]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1966, vol. 3.
9. GARF. F. R.-7021. Op. 148. D. 198.
10. Herbert U. *Arbeit, Volkstum, Weltanschauung. Über Fremde und Deutsche im 20. Jahrhundert* [Work, nationalities, ideologies. On foreigners and Germans in the XXth century]. Frankfurt, 1995, pp. 121–135.
11. Sedov I. S. *Vtoraya mirovaya v zerkale etnokul'turnykh sistem* [WWII in the mirror of ethnocultural systems]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo in-ta RGTEU, 2013, 92 p.
12. GARF. F. 7449. Op. 2. D. 101.
13. *Sovetskaya Adygeya* [Soviet Adygei]. 2005, 9 April.
14. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint-Petersburg]. F. O-116. Op. 9. Svyazka 120.
15. *V tylu vraga. Listovki partiynykh organizatsiy i partizan perioda Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [In the enemy's rear. Leaflets of party organizations and guerrillas of the Great Patriotic War 1941–1945]. Moscow: Gospolitizdat, 1962, 344 p.
16. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Adygeya (NARA)* [National Archive of the Republic of Adygeya]. F. R-79. Op. 3. D. 53.
17. *Odessa: Zhizn' v okkupatsii. 1941–1944* [Odessa: Life in occupation. 1941–1944]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2013, 231 p.
18. GARF. F. R.-7021. Op. 148. D. 32.
19. GARF. F. R.-7021. Op. 148. D. 21.
20. *Razvitie lichnosti* [Personality development]. 2011, no. 2, pp. 186–195.
21. *Razvitie lichnosti* [Personality development]. 2011, no. 3, pp. 226–240.
22. GARF. F. R.-7021. Op. 148. D. 62.
23. *Sedye deti voyny: Vospominaniya byvshikh uznikov fashistskikh kontslagerey* [Grey-haired children of war: Memories of former prisoners of Nazi concentration camps]. Comp. L. I. Ermalyuk. Kaluga: Fridgel', 2003.
24. GARF. F. 7021. Op. 148. D. 11.
25. Shpigel'-Antonovich A. V. *Moy nomer I/46781* [My number is I/46781]. Moscow: Russkiy impul's, 2010, 256 p.
26. Baranov V. *Nam zapretili belyy svet...: Al'manakh dnevnikov i vospominaniy voennykh i poslevoennykh let* [We were barred from the sunlight...: Collection of diaries and memoirs of military and post-war years]. Moscow: ROSSPEN, 2006, 416 p.
27. GARF. F. 7317. Op. 20. D. 146.
28. Kuskova S. V. *Metamorfozy istorii* [History metamorphoses]. 2002, no. 2, pp. 162–169.
29. Zubkova E. Yu. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'* [The post-war soviet society: the policy and everyday life]. Moscow: ROSSPEN, 1999, 229 p.

Гаража Наталья Алексеевна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра философии, истории и права,
Новороссийский филиал Финансового
университета при Правительстве
Российской Федерации
(Россия, Краснодарский край,
г. Новороссийск, ул. Видова, 56)

E-mail: ngarazha@yandex.ru

Garazha Natalia Alekseevna

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of philosophy,
history and law, Novorossiysk branch of the
Financial University under the Government
of the Russian Federation
(56 Vidova street, Novorossiysk, Russia)

УДК 94(430).086 «1941/1945»

Гаража, Н. А.

Характер и условия принудительного трудоустройства советских детей и подростков в Германии в период Великой Отечественной войны / Н. А. Гаража // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 2 (34). – С. 44–53.